

Д.Д. РОМАНОВ

ДВА ПУТИ СМЫСЛОПОЛАГАНИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XIX ВЕКА: «ВЫГОДА» Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И «ПОДПОЛЬНЫЙ» АНТИНИГИЛИЗМ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

***Аннотация:** В статье рассматриваются вопросы полагания смыслов человеческой жизни в русской культуре XIX века. Исследование проводится по двум направлениям — линии разумного эгоизма Чернышевского с нигилистической доминантой «выгоды», и линии экзистенциальной проблематики Достоевского. Два этих частных подхода отражают общие тенденции и альтернативы цивилизационного выбора России, вовлекающие отдельного человека в процесс формирования высших смыслов его жизнедеятельности.*

Целью исследования является выявление смысложизненных вопросов по обоим идейным направлениям и вариантов их решения. Особый интерес вызывает анализ философско-антропологических идей Достоевского и Чернышевского зарубежными и русскими религиозными философами. Он позволяет глубже изучить собственно философское измерение творчества писателей.

Результат исследования показывает, что вопрос выбора смысложизненных ориентиров, поставленный русскими мыслителями XIX века, был и остаётся важнейшим вопросом нашей культуры, определяющим как судьбу индивида, так и развитие общества в целом.

***Abstract:** The article deals with questions of human life meaning positing in Russian culture of XIX century. The research is conducted in two directions - the line of reasonable egoism of Chernyshevsky with the nihilistic dominance of “self-benefit”, and the line of existential problems of Dostoevsky. These two particular ap-*

proaches reflect general tendencies and alternatives for Russia's civilizational choice, involving an individual in the process of life's higher meanings forming.

The aim of research is to identify the meaningful questions on both ideological lines and options for their solution. Of particular interest is the analysis of philosophical and anthropological ideas of Dostoevsky and Chernyshevsky by foreign and Russian religious philosophers. It allows us to make more deeply study the philosophical dimension of the writers' work.

The result of the research shows, that the issue of choosing meaningful landmarks, posed by Russian thinkers of the XIX century, was and remains the most important issue of our culture, determining both the fate of an individual and the development of whole society.

Ключевые слова: *смыслы, жизнь человека, дух, нигилизм, ценности, выгода, философская антропология, бытие.*

Keywords: *meanings, human life, spirit, nihilism, values, benefits, philosophical anthropology, being.*

Постановка проблемы. Проблема смыслополагания, с одной стороны, касается человеческой личности как сущности, соотнесённой с самой собой, а с другой стороны, в ней заложен базис социальных отношений. Смыслы трактуют бытие, и оно предстаёт перед вопрошающим в двух аспектах: историческом и сверхисторическом, т.е. религиозно осмысленном. Развитие человека и общества предполагают как естественно-материалистический путь, на котором смыслы предельно выражаются в телесном, физиологическом, вещественном проявлении, так и путь духовный. Последний имеет дело с двумя мирами: материальным и идеальным. И такая раздвоенность является онтологической.

Таким образом, исследование будет происходить по двум направлениям, выявляя различия между ними. Компаративный метод позволит показать, что различие в подходах осмысления проблемы смыслополагания — отличительная черта русской культуры на протяжении уже двух веков. Хотя формальная картина социума в наши дни разительно отличается от XIX века, но человеческие желания, отношения, антиномии социальной жизни и «тоска» по её предельным смыслам остаются теми же. И неразрешённость тогда поставленных вопросов заставляет возвращаться к ним снова и снова.

Вопрос о смысле человеческого бытия в культуре XIX в. приобретает духовно-нравственный контекст, в котором субъект оказывается подвешенным в пространстве выбора между конформной необходимостью и пугающей свободой. Первая предполагает пути прагматического приспособленчества, утилитаризма и цивилизационную ориентацию на привне-

сённые ценности. Вторая является раскрепощением духа в ипостасном понимании и характеризуется, прежде всего, высшим смыслом существования. Мы назвали её «пугающей» вслед за Достоевским, который ощутил ту грань экзистенциального ужаса, которая отделяет слепое существование от творческого бытия, исполненного этим высшим смыслом.

Проблема соотношения двух путей полагания смыслов человеческой жизни на примере философии Н.Г. Чернышевского и Ф.М. Достоевского в научной среде обычно рассматривается в контексте идейных течений: славянофильство и западничество, нигилизм, национальный и религиозный вопросы в России, цивилизационные модели развития, культурные тенденции, ситуация в сфере искусства. В данном исследовании акцент делается на философско-антропологическом анализе понятия смысла, где идеи двух русских мыслителей выступают предметным полем. Нам будет интересно рассмотреть рефлексию данной проблемы религиозными и экзистенциальными философами (Н.А. Бердяев, И.И. Евлампиев, А. Камю, Дж. Скэнлан, М. Хайдеггер).

Антропологические идеи Чернышевского. Два пути смыслополагания в русской мысли XIX в. вращаются вокруг единого центра – человека. Но на этом их схожесть заканчивается. Представителем первого пути выступает Н.Г. Чернышевский с его философией разумного эгоизма, второго – идеи Ф.М. Достоевского и их дальнейшее осмысление как русскими религиозными мыслителями, так и отечественной и зарубежной экзистенциальной философией.

Влияние западной философии на русскую мысль несомненно, хотя в лице наиболее ярких своих представителей русская философия середины XIX в. была более ли менее самобытной. Так, например, мы можем проследить отзвук идей французских просветителей, Фейербаха и Штирнера на мировоззрение Чернышевского как одного из наиболее ярких социальных философов своего времени. Однако, он сам в своей работе «Антропологические принципы философии» открыто заявляет, что не читал трудов большинства его европейских современников¹. Поскольку Чернышевский рассматривает сциентизм основным принципом антропологического знания, то на нём следует остановиться подробнее.

Чернышевский полагает, что на смысл человеческого существования следует смотреть только с позиции естественных наук, исследуя сначала всю природу явленного мира эмпирически, а затем, вооружившись выведенными законами, применять их к человеку. Например, биология понимает человека исключительно как сверхразвитое животное, а животным,

---

¹ Чернышевский. Н.Г. Собр. соч. В 6 т. Т. 4. – М.: Правда, 1974. – С. 210.

как известно, движет инстинкт. Но мы утверждаем, что понятие инстинкта переводится на язык социального взаимодействия как выгода. Инстинкт и выгода — это во многом тождественные понятия. Добыть пищу, обустроить своё окружение удобным и безопасным образом, продолжить род — значит, получить выгоду для своего индивидуального существования или существования себя безлично в другом (потомстве). Смыслообразующее ядро, таким образом, находится в реальности выгод.

Человеком, с точки зрения сциентистских концепций Чернышевского, движет исключительно выгода, и только на выгоде строится вся смыслопорождающая телеология человека. «При внимательном исследовании побуждений, руководящих людьми, — пишет Чернышевский, — оказывается, что все дела, хорошие и дурные, благородные и низкие, геройские, и малодушные, происходят во всех людях из одного источника: человек поступает так, как приятнее ему поступать, руководится расчетом, велящим отказываться от меньшей выгоды или меньшего удовольствия для получения большей выгоды, большего удовольствия»².

Сама философия человека, по мнению Чернышевского, должна основать свой принцип на идее единства человеческого организма, обоснованного исключительно естественными науками³. Это единство, по мнению мыслителя, снимает онтологическую раздвоенность человека, переносит его «центр тяжести» обратно в него самого. Принцип же его состоит в том, что на человека надо «смотреть как на одно существо, имеющее только одну натуру, чтобы не разрезывать человеческую жизнь на разные половины, принадлежащие разным натурам, чтобы рассматривать каждую сторону деятельности человека как деятельность или всего его организма, от головы до ног включительно, или если она оказывается специальным отправлением какого-нибудь особенного органа в человеческом организме, то рассматривать этот орган в его натуральной связи со всем организмом»⁴.

Можно сказать, что Чернышевский предвосхитил нигилистические идеи Ницше о необходимости новой морали, знаменующей собой онтологию социального животного, где сперва философско-антропологическое осмысление жизни происходит через редукцию социального к биологическому, а затем снова возвращается к социальному, пульсируя между этими полюсами, среди которых человек блуждает в вечном поиске смысла⁵.

---

² Там же. — С. 282.

³ Там же. — С. 223.

⁴ Там же. — С. 292.

⁵ Кучевский В.Б. Философия нигилизма Фридриха Ницше. — М., 1996. — С. 130.

Экзистенциальный ответ Достоевского. Допустим, человек – это животное, движимое выгодой и доступное объяснению только на языке биологии. При этом, животное, в конечном проекте которого снимается всякая раздвоенность, всякое несовпадение с самим собой, а все экзистенциальные переживания и трансцендирование объявляются ненужными и даже невозможными. Вот основной тезис антропологического нигилизма Чернышевского. Несложно найти и антитезис – это вся антропология Достоевского, в особенности представленная «Записками из Подполья».

Компаративный анализ этих систем производит Дж. Сканлан в своей работе «Достоевский как мыслитель», однако, её следует дополнить существенными соображениями по вопросу онтологической возможности нигилистического пути как источника смыслопорождения. Напомним, что конечной целью любого смыслополагающего акта Чернышевский видит выгоду. В проекте Достоевского выгода как смысл человеческого существования, напротив, полностью отрицается. То есть отрицается отрицание высших ценностей, главенствующее место среди которых занимает свобода и свободное самопожертвование, не ведающее выгод для себя – любовь.

Способность любить, как показатель высшего развития личности, противопоставляется разумному эгоизму, при котором любовь и свобода находятся в подчинённом положении. Сканлан утверждает, что нигилисты, проявляя антипатию к морали, сами прибегали к жёсткой этической дифференциации, и содержание произведений Чернышевского – ни что иное как «богатый набор моральных императивов»⁶. То есть, на пустое место, расчищенное философом-нигилистом, тут же приходит что-то иное, что так же должно быть отвергнуто, поскольку процесс смысловой негации неостановим. Но мы наблюдаем совершенно другой процесс на практике. Вообще несоответствие нигилистической теории её практике отмечал ещё Данилевский. Теорией нигилизма, как показывает мыслитель-славянофил, выступает этика субъективного эвдемонизма⁷, схожая с субъективным идеализмом Фихте, но претендующая на самостоятельность по ряду аксиологических критериев.

Однако нигилисты-теоретики сошли с пути обоснования этих критериев, не выстроив системы фундаментальных принципов, и нигилисты-практики оказались и последовательнее, и логичнее в своих выводах

---

⁶ Сканлан Дж. Достоевский как мыслитель. – СПб.: Академический проект, 2006. – С. 66.

⁷ Аригин А.Н., Михеев В.М. Прошлое. Настоящее. Будущее (Историко-философская мысль России XIX-XX вв.) / Науч. ред. проф. Г.Д. Чесноков. – М.: Изд-во РАГС, 1995. – С. 172.

⁸ Там же. – С. 167.

и в правильности понимания нового учения о смыслах бессмысленного⁸. Следовательно, овладевшая умами русской интеллигенции неосновательная теория нигилизма не может определять вектор развития человека и общества в том виде, в котором он представляется необходимым для разрешения цивилизационных вопросов, актуальных и по сей день (и сегодня даже более, чем в XIX-XX вв.!). Нигилизм не раскрывает своей сути, которая единственная может дать опору последователям учения, так, как, например, учение о троичности Бога даёт опору христианскому дискурсу.

Подобное противоречие в теории классического нигилизма замечает и Хайдеггер: «Классический нигилизм — это нигилизм, классичность которого заключается в том, что он неумышленно всеми силами сопротивляется познанию своей сокровенной сущности»⁹.

Антропологическое учение Чернышевского — это попытка предоставить недостающую теоретическую базу нигилистическому учению. Оно предлагает проект человека, бытие которого сводится к телесно-эгоистическому утверждению «Я», и берёт свой исток в научном позитивизме, предполагающем достижение человеком высшего смысла жизни в обусловленном (плотском) существовании. Этот смысл есть счастье индивидуального порядка, основанное на некой социальной конвенции разумного эгоизма, существование которой сомнительно в условиях полной нравственной вседозволенности, подменяющей собой свободу.

Но что такое свободный человек в понимании русских мыслителей XIX в.? Какое качество делает его свободным? Как удачно замечает Сканлан, резюмируя взгляды Достоевского, «свободный человек пойдет на любой риск, подвергнется любой опасности и сознательно нанесет себе вред только для того, чтобы утвердить свою свободу»¹⁰.

Действительно, добровольное хождение по мукам, требование напряжения, страдания, «пощёчины» не может быть вызвано никакой выгодой («инстинктом» на языке Чернышевского), с её точки зрения оно — абсурд, бессмыслица, оно — бунт. Это позднее осмыслил Камю, вдохновлённый идеями Достоевского более, чем чьими-либо ещё. По Камю, бунт — это единственная реакция человека на абсурд, выступающий формой его бытия¹¹. И единственная возможность разорвать порочный круг безликого отчуждённого *das Man*. Для того, чтобы выяснить, о каком порочном круге идёт речь, следует рассмотреть понятие инерции как силы, устранивающей возможность смыслополагания.

---

⁹ Хайдеггер М. Ницше. В 2 т. Т. 2. — СПб.: Владимир Даль, 2007. — С. 36.

¹⁰ Сканлан Дж. Достоевский как мыслитель. — СПб.: Академический проект, 2006. — С. 72.

¹¹ Камю А. Миф о Сизифе, Бунтарь. — Мн.: ООО «Попурри», 2000. — С. 167.

Под инерцией Достоевский понимает качество такого бытия, которое хотя и не принадлежит человеку, но определяет его положение. Человек не властен в таком бытии, он не может обнаружить истинного объекта чувств. Он не определяет для себя и отправную точку смыслополагания, причину причин, и разум отказывается действовать в бесконечности, и его деятельность приобретает свойство инерции. Инерция по Достоевскому — единственный результат познания внечувственного, и она предполагает бездействие. Ведь чтобы начать действовать, нужен смысл, первоначальная причина существования, абсолютная точка отправления — Бог. Но поскольку вся цепочка причин уходит в дурную бесконечность, а первоначальной причины-смысла человек не находит, и любая, претендующая быть таковой предпосылочно ошибочна (за ней стоит другая, а за другой — третья и т.д.), и в то же время все аффекты, присущие человеку, могут порождаться только ей, бунтующий человек «подполья» у Достоевского находит в своём отчаянии момент экзистенции. Тем самым он противостоит инерции и на этом основывает своё бытие.

Хотеть «против всех выгод» — главная идея человека из подполья. Сканлан отмечает: «В “Записках из подполья” много внимания уделено кос-венным возражениям, начиная с собственного эгоизма подпольного человека, который не поддается анализу с точки зрения «выгоды», и этим ставит под вопрос правомерность подобных понятий для постижения человеческого поведения»¹². Мотив, совершенно противоположный нигилистической философии Писарева и Чернышевского.

Человек из Подполья — это также и анти-Базаров, поскольку последний именно инертен, хотя и деятелен. Но вся его деятельность сводится к в-себе-пребыванию, он просто отказывается покинуть укромный уголок обжитого «Я», не желая встретиться с собой в другом. Потому он избегает любых экзистенциальных измерений, будь то беспокойство, тревога или влюблённость. Это укромное и полное собой «Я» оказывается главной ценностью нигилиста. Человек в проекте Достоевского же, напротив, остро чувствует свою недостаточность и проектирует себя в будущее через своё желание вне зависимости от прочих ценностей, когда сам акт желания жить есть смыслополагающая ценность первого порядка.

Человек определяется желанием преодоления инерции. Это желание — жить, быть как здесь и сейчас, так и в будущем, утверждаться в бытии. И неважно чем и как, главное — утверждаться. Иррациональное зерно этого утверждения отрицает любой детерминизм как самообман. Рассудок, по Достоевскому, имеет дело только с единичными феноменами, которые успели

---

¹² Сканлан Дж. Достоевский как мыслитель. — СПб.: Академический проект, 2006. — С. 69.

попасть в его поле, в то время как «натура человеческая действует вся целиком, всем, что в ней есть, сознательно и бессознательно, и хоть врет, да живет»¹³. Она живёт против всех «умных выгод», сама в себе ищет смысл и бунтует против детерминизма. Поэтому человек, созидавая своё «здание», одновременно тяготеет к разрушению, его влечёт деструкция созданного, влечёт проект, а не точка достижения цели, влечёт жизнь с полаганием в будущее. Здесь не может идти и речи о том единстве человеческой природы в её физиологическом понимании (западноевропейский сциентизм).

В создании на земле царствия Божьего человеку важнее процесс, а не результат, потому что интуитивно он знает, что за башню он воздвигнет в конце вместо этого царствия. Человек боится конечности, понимает весь ужас завершённости (который для Чернышевского вовсе не ужас, но желаемое как единство природы) и в этом знании выходит из своего бытия, приближаясь к бытию всеединого, которое одно только может вместить как проективное движение, так и смысловую завершённость, статичность, наступающую следом, в которых заканчивается земная свобода человека и завершается реализация его проекта.

Иными словами, проект всеединства поглощает в себя вышеназванные статичность и завершённость как своё инобытие, отвергает истечение духа, в котором они — только одно из колебаний его волн. «Излию от Духа Моего на всякую плоть» (Деян. 2:17), — пишет апостол, указывая на возможное различающееся единство полюсов телесного и духовного, физического и метафизического. Человек и завершён, и одновременно не завершён, целостен и ущербен, тяготеет к Богу и ко злу, то есть «...сама суть человеческого существования — в совмещении в себе предстояний перед Богом и перед дьяволом. Быть только ангелом или только бесом, то есть предстоять только перед Богом или только перед дьяволом для человека неестественно и невозможно в земной жизни»¹⁴.

По этому поводу Н. Бердяев, особенно выделявший свойственную русскому человеку полярность и раздвоенность, пишет в исследовании пророчеств Достоевского о грядущей революции следующее: «Русский же — апокалиптик или нигилист, апокалиптик на положительном полюсе и нигилист на отрицательном полюсе»¹⁵. Полярность тут нестабильная, предполагает диалектическое развитие, где противоположности перетекают одна в другую. Апокалиптичность как ожидание конца истории пред-

---

¹³ *Достоевский Ф.М.* Записки из подполья: Повесть. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. — С. 71.

¹⁴ *Евламиев И.И.* Философия человека в творчестве Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»). — СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2012. — С. 520.

¹⁵ *Бердяев Н.А.* Духи русской революции // Вехи. Из глубины. — М.: Правда, 1991. — С. 261.

полагает отмену смыслов и ценностей культуры в контексте полного духовного преобразования. А нигилизм в классическом его понимании, как это одновременно с Бердяевым уловил и Хайдеггер, это не просто отказ от смыслов, а «скорее, продолжающееся совершаться событие, в котором истина о сущем принципиально меняется и устремляется к определённом ую концу»¹⁶.

У Достоевского человек, проектируя своё бытие, стремится к жизни, к процессу достижения, а не к его итогу как выгоде и даже не к самой «формуле» смыслополагания, поскольку с этой «формулы» начинается духовная смерть. При этом страдание (отчаяние, прорыв через самообман, страх бытия) – единственная причина сознания и альтернативой для него выступает только ничто, конец «истины о сущем». Это ничто – предельная форма отрицания смысла и замкнутый на себе нигилизм, т.е. отрицание ради отрицания и утверждение бытия за счёт этого, дурная множественность и бессмысленная инерция.

Основные выводы. Резюмируя исследование двух путей смыслополагания в отечественной мысли XIX в., можно сделать следующие выводы.

1. Постановка смысложизненных вопросов является важнейшей задачей философского творчества Чернышевского и Достоевского. Оба мыслителя видят необходимость их решения по двум направлениям – осмысления общественной жизни и утверждения индивидуального человеческого бытия.

2. Областью поиска смыслов у Чернышевского выступает индивидуализированная телеология, в которой высшей целью жизни является выгода; Достоевский отказывается от выгоды, производя поиск смыслов в экзистенциальном переживании человека в обществе.

3. Смыслом человеческой жизни в проекте Чернышевского выступает достижение индивидом телесно-рассудочной целостности и материальной достаточности. При этом в основу социальной жизни положен принцип эгоизма; для Достоевского такая целостная завершённость человека видится невозможной, смысл жизни обретается лишь между полюсами его раздвоенности, а общество строится на духовно-религиозных началах.

4. Утверждение принципа разумного эгоизма приводит к нигилистической позиции, отвергающей духовные ценности; принцип жертвенности, принятия страданий, напротив, предполагает доминанту духовного идеала.

5. Чернышевский видит будущее социума в установлении «царства» спокойного благополучия, детерминизма и сциентистской понятности;

---

¹⁶ Хайдеггер М. Ницше: В 2 т. Т. 2. – СПб.: Владимир Даль, 2007. – С. 29.

Достоевский видит будущее в долгой диалектической борьбе за свободу, происходящей внутри личности, а общественный прогресс уступает первенство апокалиптическому смирению, религиозному жизнеустройству.

6. Социальная модель Чернышевского привела к распространению в обществе революционных идей с либеральной, ориентированной на Запад ценностной установкой; проект Достоевского одновременно религиозно-консервативен и нацелен на экзистенциальное смыслопостижение; он принципиально не завершён и оставляет нам возможность свободно-го философского осмысления жизни.

7. Оба пути смыслополагания красной нитью проходят через контекст современности, предьявляя человеку нашего времени те же вопросы о его месте в обществе, о месте общества в его жизни, соотношении его стремлений с духовными идеалами и поиске смысла существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аринин А.Н., Михеев В.М.* Прошлое. Настоящее. Будущее (Историко-философская мысль России XIX-XX вв.) / Науч. ред. проф. Г.Д. Чесноков. — М.: Изд-во РАГС, 1995. — 208 с.
2. *Бердяев Н.А.* Духи русской революции // Вехи. Из глубины. — М.: Правда, 1991. — 608 с.
3. *Достоевский Ф.М.* Записки из подполья: Повесть. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. — 256 с.
4. *Евлампов И.И.* Философия человека в творчестве Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»). — СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2012. — 520 с.
5. *Камю А.* Миф о Сизифе, Бунтарь. — Мн.: ООО «Попурри», 2000. — 544 с.
6. *Кучевский В.Б.* Философия нигилизма Фридриха Ницше. — М., 1996. — 166 с.
7. *Сканлан Дж.* Достоевский как мыслитель. — СПб.: Академический проект, 2006. — 256 с.
8. *Хайдеггер М.* Ницше: В 2 томах. Т. II. — СПб.: Владимир Даль, 2007. — 464 с.
9. *Чернышевский. Н.Г.* Собр. соч. в шести томах. Т. IV. — М.: Правда, 1974. — 454 с.

BIBLIOGRAPHY

1. Arinin A.N., Mikheev V.M. Proshloe. Nastoyashchee. Budushchee (Istoriko-filosofskaya mysl Rossii XIX-XX vv.) / Nauch. red. prof. G.D. Chesnokov. — M.: Izd-vo RAGS, 1995. — 208 s.
2. Berdyayev N.A. Dukhi russkoy revolyutsii // Vekhi. Iz glubiny. — M.: Pravda, 1991. — 608 s.
3. Dostoevskiy F.M. Zapiski iz podpolya: Povest. — SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2012. — 256 s.
4. Evlampiev I.I. Filosofiya cheloveka v tvorchestve Dostoevskogo (ot rannikh proizvedeniy k «Brat'yam Karamazovym»). — SPb.: Izdatelstvo Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii, 2012. — 520 s.
5. Kamyu A. Mif o Sizife, Buntar. — Mn.: OOO «Popurri», 2000. — 544 s.
6. Kuchevskiy V.B. Filosofiya nigilizma Fridrikha Nitsshe. — M., 1996. — 166 s.
7. Skanlan Dzh. Dostoevskiy kak myslitel. — SPb.: Akademicheskij proekt, 2006. — 256 s.
8. Haydegger M. Nitsshe: V 2 tomakh. T. II. — SPb.: Vladimir Dal, 2007. — 464 s.
9. Chernyshevskiy N.G. Sobr. soch. v shesti tomakh. T. IV. — M.: Pravda, 1974. — 454 s.

Поступила в редакцию 20.03.2018 г.